

О СООТНОШЕНИИ ПРОБЛЕМ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОШИБКАХ

М. С. Сысоев

Институт философии РАН, Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1

В работе рассматривается вопрос о соотношении некоторых проблем в философии сознания. Рассуждение начинается с обозначения методологических препятствий в эмпирических исследованиях сознания: мереологической ошибки и ошибки смешения уровней абстракции. Далее рассматриваются теоретические проблемы: психофизическая проблема, проблема единства сознания, проблема связывания, которые помещаются в общий контекст и сопоставляются друг с другом. Проблемы классифицируются с точки зрения объясняемых ими отношений, которые делятся на межтиповые и внутритиповые, вертикальные и горизонтальные. На основе предложенного в статье описания отношений между проблемами выявляется наличие между ними тесной связи, которая не позволяет рассматривать данные проблемы изолированно друг от друга. Демонстрируется принципиальная роль проблематики единства сознания и проблемы связывания в исследованиях по психофизической проблеме, в том числе в программе поиска нейронных коррелятов. Подчеркивается важность вертикальных отношений. Актуальность установленной связи подтверждается наличием методологических ошибок. В завершение делается вывод о том, что вопрос о пересечении проблем может сказаться на формулировке гипотез и выборе направлений исследования в рамках программы поиска нейронных коррелятов.

Ключевые слова: сознание, сознательное состояние, психофизическая проблема, проблема единства сознания, проблема связывания, нейронные корреляты сознания, мереологическая ошибка, уровни абстракции.

Для цитирования: Сысоев М. С. О соотношении проблем в философии сознания и методологических ошибках // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 99–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-99-105. EDN: FQOVEV.

© Сысоев М. С., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN PROBLEMS IN THE PHILOSOPHY OF MIND AND METHODOLOGICAL FALLACIES

M. S. Sysoev

RAS Institute of Philosophy, Russia, Moscow, Goncharnaya St., 12/1, 109240

The paper examines the relationship between certain problems in the philosophy of mind. The discussion begins by identifying methodological obstacles in empirical consciousness research: the mereological fallacy and the fallacy of conflating levels of abstraction. Theoretical issues are addressed: the mind-body problem, the unity of consciousness problem, and the binding problem, situating them within a broader context and comparing them with one another. These problems are classified on the types of relations they explain, which are divided into inter-type and intra-type, as well as vertical and horizontal relations. By describing the relationships between these problems, the author demonstrates their close interconnectedness, which precludes treating them in isolation. The pivotal role of the unity of consciousness problem and the binding problem in research on the mind-body problem is highlighted, particularly in the context of the search for neural correlates of consciousness, with an emphasis on the importance of vertical relations. The relevance of this interconnectedness is underscored by the presence of methodological errors. In conclusion, it is argued that the question of the intersection of these problems can impact the formulation of hypotheses and the selection of research directions within the program of identifying neural correlates of consciousness.

Keywords: consciousness, conscious state, mind-body problem, unity of consciousness problem, binding problem, neural correlates of consciousness, mereological fallacy, levels of abstraction.

For citation: Sysoev M. S. On the relationship between problems in the philosophy of mind and methodological fallacies. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 99–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-99-105. EDN: FQOVEV.

© Sysoev M. S., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение: предмет и задачи исследования

Обсуждая вопрос о соотношении проблем в философии сознания, я буду говорить о той части современной дискуссии, в которой под сознанием подразумевается некоторое ментальное¹ состояние организма, реализующее или воплощающее определенные ментальные свойства [1]. В одном смысле, сознание — это единое общее состояние, отличающееся от состояний без сознания с возможными степенями осознанности между ними. В другом смысле, сознание — это целый класс различных состояний, отличающихся друг от друга по их содержанию. Например, мы говорим, что состояние человека в сознании отличается от состояния спящего человека или человека, которому диагностировали смерть мозга, а во втором случае мы говорим, что состояние радости отличается от состояния грусти. Разные сознательные состояния отличаются друг от друга не только определенными физиологическими и поведенческими признаками, но и характерным феноменальным аспектом, тем, каково это быть в данном состоянии. Но, несмотря на это многообразие, мы все еще можем утверждать, что общее сознательное состояние (т. е. сознание в первом смысле) сохраняется на протяжении всего периода здорового бодрствования. Это различие между сознательными состояниями не является сугубо философским и отражается и на поиске нейронных коррелятов сознания (NCC)². *Корреляты общего состояния сознания* — это ответ на вопрос 'Какие корреляты делают состояние сознательным?'. *Корреляты специфического состояния сознания* — это ответ на вопрос 'Какие корреляты связывают состояние с содержанием А, а какие — с содержанием В?' [3].

С точки зрения эмпирического исследования, идентификация сознательного состояния в двух случаях производится совершенно различным способом. Во втором случае одно состояние от другого отличает некоторое *содержание*, чаще всего — *репрезентативное*. Оно получает некоторое наблюдаемое *функциональное* выражение и отслеживается посредством стандартных эмпирических методов: анализа физиологических показателей, поведенческих реакций, когнитивных функций, отчета [3]. На основании этого делается вывод о характере состояния и, в первую очередь, 'о чем' было это состояние: о яблоке, о доме, о машине. Специфические характеристики сознательного состояния, отличающие его от не-сознательного, не рассматриваются при такой постановке вопроса, поэтому результатом такого исследования является составление карты различных типов содержания и соответствующих им нейронных коррелятов. Эта карта крайне полезна для исследования функциональных отношений организма с миром, но не так много говорит нам о самой природе сознательных состояний. С другой стороны, общие состояния со-

знания исследуются посредством тех же методов, но анализируются уже биологические состояния и биологические виды, ими обладающие. В результате типология состояний помещается на две основные шкалы: во-первых, на шкалу различных 'степеней' сознания, от полностью бессознательного состояния до максимальной степени осознанности, и, во-вторых, на шкалу различных типов состояний в зависимости от биологического устройства существа, находящегося в сознательном состоянии: от простейших организмов до человека. Именно такие исследования нацелены на анализ природы сознательного состояния самого по себе, без привязки к его конкретному содержанию.

Ключевое для данной работы различие между этими направлениями исследований заключается в том, что в первом случае сравниваются *единые* сознательные состояния организмов, а во втором случае — *множество* отдельных аспектов таких состояний, соответствующих определенному содержанию.

При рассмотрении этих примеров становится ясно, что попытка дать состояниям сознания некоторое определение или объяснить природу сознательных состояний самих по себе, сразу же сталкивается с проблемой совмещения единства и множественности. Специфические состояния в некотором метафорическом смысле являются *частями* общих сознательных состояний и вопрос соотношения между ними составляет отдельную проблему. Далее я укажу на два методологических ограничения, существующих в эмпирических исследованиях сознания: мереологическую ошибку и ошибку уровней абстракции. Затем я проанализирую отдельные аспекты психофизиологической проблемы, проблемы единства сознания и проблемы связывания и выявлю основные тематические пересечения между ними. Совместное рассмотрение этих проблем и объединение их в общую классификацию позволит наглядно показать, какое место занимают указанные методологические ошибки в философской проблематике.

Методологические ограничения в исследованиях сознания

Методология современных эмпирических исследований сознания предполагает определенные ограничения [4, 5]. Иногда эти методологические ограничения обусловлены вполне конкретными причинами: физическими, физиологическими или инженерно-техническими ограничениями. Нередко эти ограничения носят фундаментальный метафизический характер или, по крайней мере, выглядят таковыми до совершения возможных будущих открытий. Например, несмотря на попытки создать так называемые безотчетные парадигмы (no-report paradigm) исследования сознания [6], именно субъективный отчет является основным источником

сведений о сознательных состояниях. На данный момент не существует способа анализировать феноменальный аспект сознания принципиально иным образом, поэтому остается только учитывать это обстоятельство. Но иногда методологические ограничения являются по своей природе скорее неявными теоретическими предпосылками, которые вполне могут быть устранены. Два примера таких ограничений, которые обсуждаются в литературе, называются 'мереологическая ошибка' [4, р. 147] и 'ошибка смещения уровней абстракции' [5, р. 473]. *Мереологическая ошибка* заключается преимущественно в том, что частям приписываются свойства целого. Применительно к исследованиям мозга она имеет место, например, когда предполагается, что сознание, когнитивная система или какой-то иной аспект психики 'получают доступ' к внутреннему содержанию опыта, порождаемому мозгом, в то время как это внутреннее содержание доступно именно человеку, а не какой-либо его психической части, поскольку думает, ощущает, видит и слышит именно человек. Еще одним примером мереологической ошибки является приписывание единичным нейронам или их группам тех психологических свойств высокого уровня, которые могут быть приписаны только целому организму, например, ошибкой такого рода является утверждение о том, что сознание, подобное человеческому, может быть приписано какой-то отдельно взятой зоне мозга, или отдельно взятой нейронной сети. *Ошибка смещения уровней абстракции* связана с тем, что анализ на одном уровне абстракции подменяется анализом на другом уровне. Абстракция, в данном случае, — это мыслительный процесс, в ходе которого из анализируемого явления извлекается определенный набор свойств и при этом другие свойства этого явления игнорируются по методологическим соображениям. Например, когда такое сложное явление, как полет птицы, рассматривается просто как движение тела по определенной траектории. Уровень абстракции — это множество свойств объекта (в данном случае — сознания или мозга), которые могут быть рассмотрены одновременно в связи друг с другом. Существует множество классификаций таких уровней. Я использую наиболее простой из применимых в данном контексте, который использует А. Ревонсуо [7, р. 176]. О сознании можно говорить как минимум на трех уровнях абстракции или описания: во-первых, с феноменологической перспективы, то есть от первого лица, во-вторых, с позиции когнитивной психологии, то есть как о когнитивной функции, реализуемой в когнитивной системе посредством операций с репрезентациями, и, в-третьих, с позиции нейробиологии, то есть как о биологическом объекте (мозге) и происходящих в нем биологических процессах³. Попытка объяснить сознание посредством рассмотрения только второго (функционального) или только третьего (биологического) уровней является примером такой ошибки.

Я предлагаю различать заявление о наличии вышеуказанных ошибок в сильном и слабом смысле. В *сильном* смысле заявление о совершении такой ошибки означает, что такие тезисы просто не могут быть истинными. В этом случае ошибкой являются сами утверждения, такие как: сознательное состояние может быть атрибутировано мозгу или совокупности нейронов, функциональное описание может являться исчерпывающим описанием сознания. Однако я предпочитаю говорить об этих ошибках

в *слабом* смысле: ошибкой является безосновательное утверждение о том, что сознательное состояние может быть атрибутировано мозгу или совокупности нейронов. Обыденный язык связывает мышление, сознание, восприятие и другие ментальные термины с человеком, а не с отдельными аспектами психики. Эту альтернативу не стоит догматизировать, но стоит брать ее в расчет. Во втором случае суть методологического ограничения в том, что ошибающийся исследователь закрывается от исследования некоторого вопроса и принимает один из ответов в неявной форме. Эта деталь раскрывает основную цель моего рассуждения: я не пытаюсь доказать определенные теоретические положения, а указываю на методологические ограничения, которые не позволяют рассматривать эти положения всерьез. Теперь можно перейти к сопоставлению проблем и выявлению тех проблемных вопросов, игнорирование которых приводит к указанным ошибкам.

Психофизическая проблема

В первую очередь обратимся к проблеме, которая является центральной для философии сознания. *Психофизическая проблема* — это проблема соотношения психического и физического. Обычно считается, что психофизическая проблема и *проблема сознание-тело* — это разные названия для одной и той же проблемы. Я готов с этим согласиться лишь с оговоркой, что термины 'ментальное' и 'физическое' могут указывать не только на свойства, но и на объекты, события, состояния и другие категории. При этом ментальные и физические свойства вполне могут рассматриваться и зачастую рассматриваются в отрыве от телесности и конкретных биологических условий, в которых они реализованы⁴. Для многих подходов, для которых значимы не просто наборы свойств, а субстанции, тела или объекты, говорить о простом соотношении между свойствами уже нельзя. В таких случаях важно помнить, о чем именно идет речь (о ментальных состояниях и физических телах или о совокупностях свойств), чтобы не совершать одну из вышеуказанных ошибок. Наконец, вышеупомянутую *проблему поиска нейронных коррелятов* можно считать частным случаем для психофизической проблемы, особым подвопросом, для ответа на который мы намеренно отказываемся от поиска онтологического отношения между двумя явлениями, исходя из специфики имеющейся научной методологии. Корреляция — это наиболее слабый вид связи из всех, что могут ложиться в основу каких-либо научных выводов.

Как уже было замечено ранее, существуют разные уровни описания сознательных состояний: феноменологический, когнитивный, нейробиологический. На каждом из уровней можно выделять элементы, отношения между которыми в итоге требуется объяснить. Поэтому каждому уровню описания соответствует свой тип элементов: феноменологический⁵ тип — специфические состояния сознания и общее состояние сознания; когнитивный тип — признаки (features), репрезентации и общее репрезентативное содержание; нейробиологический тип — зоны мозга⁶ и мозг. Далее при описании интересующих меня проблем, я буду формулировать их единообразным способом, а именно как проблему объяснения того или иного отношения, которое существует между двумя элементами одного типа (в таких случаях я буду на-

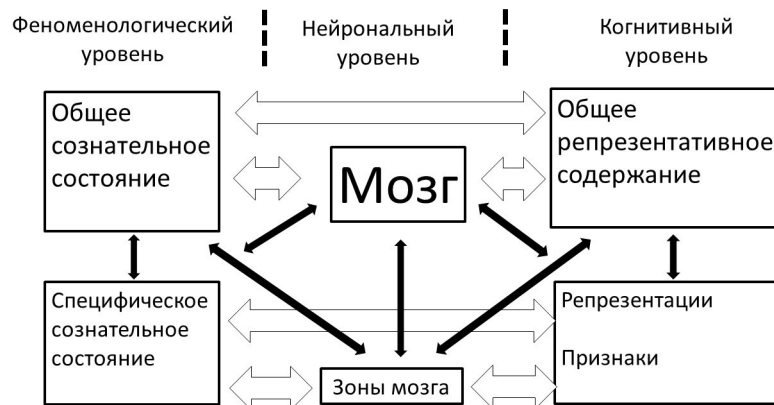

Рис. 1. Схема вертикальных и горизонтальных отношений
Fig. 1. Diagram of vertical and horizontal relationships

зывать отношения *внутри типовыми*) или разных типов (в таких случаях я буду называть их *межтиповыми*). Из методологических соображений отношения также можно разделить на *вертикальные* и *горизонтальные*⁷. Вертикальными являются отношения между целостными элементами в рамках одного из типов (общим сознанием, мозгом, общим репрезентативным содержанием), с одной стороны, и специфическими элементами (состояниями, зонами мозга, репрезентациями, признаками) — с другой. Горизонтальными являются отношения только между целостными или только между специфическими элементами⁸. Общая структура отношений иллюстративно отражена на рис. 1.

Отношения, составляющие наиболее обсуждаемую часть психофизической проблемы, можно классифицировать как *межтиповые горизонтальные отношения*. К ним относятся отношения: (1.1) между общим состоянием сознания и мозгом, (1.2) между специфическими сознательными состояниями и зонами мозга, (1.3) между специфическими сознательными состояниями и репрезентациями, (1.4) между репрезентациями и зонами мозга. Я исхожу из того, что именно объясняемое отношение отличает одну часть психофизической проблемы от другой, и далее я буду именовать проблемы объяснения соответствующих отношений и сами отношения, просто отсылая к номеру в типологии отношений, например, проблема (1.1) — это название проблемы объяснения отношений между сознанием и его частями.

Проблема поиска нейронных коррелятов сознания — это психофизическая проблема, рассмотренная в контексте ограничений эмпирической методологии. Так что проблемы (1.1), (1.2) и (1.4) — это, в том числе, аспекты проблемы поиска нейронных коррелятов. Исключение составляет (1.3) — проблема объяснения отношения между репрезентативным и феноменальным аспектами психического. Она составляет ядро так называемой *трудной проблемы сознания*.

Перечисленные выше проблемы являются предметом основного интереса в современных исследованиях сознания, но не исчерпывают всю проблематику. Далее я рассмотрю две другие проблемы: проблему единства сознания и проблему связывания. Поскольку эти проблемы связаны с соединением элементов воедино, это проблемы объяснения вертикальных отношений. Я постараюсь показать,

что связь между ними и психофизической проблемой достаточно сильна, чтобы можно было говорить о необходимости включения в психофизическую проблему аспектов, связанных с объяснением вертикальных отношений.

Проблема единства сознания и проблема связывания

Основная суть проблемы единства сознания обычно выражается при помощи мереологической метафоры, то есть описания сознания в терминах целого и частей. Для успешности применения мереологической метафоры не имеет большого значения то, существуют ли для сознания отношения части и целого в онтологическом смысле или просто предстают таковыми в опыте. Это удобная методология для описания сознательных состояний. Примеры таких описаний привести достаточно просто. Можно обособить слуховое восприятие от зрительного или рассмотреть визуальный образ в верхней части зрительного поля отдельно от визуального образа в нижней части. Можно отдельно рассмотреть часть феноменального опыта, связанную с конкретной репрезентацией, а через нее — с конкретным объектом в окружении. Интуитивным обоснованием для такого хода является простой факт: некоторые части опыта, имеющие специфический характер, повторяются. Поэтому большинство частей вашего текущего состояния либо уже встречались в вашем опыте, либо могут появиться вновь. Поскольку такие части опыта тоже являются сознательными состояниями специфического типа, проблема феноменального единства сознания может быть выражена в форме следующего вопроса: каким образом множество отдельных (специфических) феноменальных состояний или множество отдельных (специфических) репрезентаций переживаются как одно общее феноменальное состояние? Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что общее сознательное состояние ощущается единым, хотя далеко не все согласятся, что за этим единством скрывается что-то представляющее особый интерес для объяснения природы сознания. Действительно, можно называть это ощущение иллюзией или показать, что оно вовсе не обязательно для сопровождающих его когнитивных процессов.

И все же ни то ни другое не позволит уклониться от вопроса: зачем и по какой причине это состояние, каким бы оно ни было, переживаются именно так?

Поэтому в вопросе о единстве есть некоторая содержательность, которую следует учитывать [8].

Проблема связывания (binding problem) весьма близка к проблеме единства во многих аспектах. Ключевое отличие в том, что и по содержанию, и по контексту возникновения проблема связывания скорее относится к когнитивной науке, чем к философии. Есть разные версии происхождения проблемы, но, пожалуй, наиболее часто ее ассоциируют с работами трех авторов. В первую очередь со статьями Э. Трисман и Г. Геладе, которые показали, что восприятие состоит из двух этапов: выделения отдельных признаков (таких как цвет, форма и т.д.) и их связывания в единый репрезентируемый объект. С точки зрения авторов, вторая операция требует внимания и именно внимание позволяет объяснить, каким образом происходит связывание признаков [9]. Хотя Трисман и Геладе были сосредоточены на когнитивно-психологическом аспекте проблемы, у нее есть и специфически нейробиологический аспект. Автор другой статьи, вышедшей годом позже⁹, К. фон дер Мальсбург, рассмотрел гипотезу временной корреляции (temporal correlation hypothesis, ТСН) и предположил, что синхронизация нейронной активности тех частей мозга, где обрабатываются отдельные признаки объекта, может быть решением проблемы связывания [10]. Таким образом, проблема связывания и в части постановки вопроса, и в части предлагаемых ответов касается сразу и когнитивного и нейробиологического уровней.

Каким образом проблема связывания помещается в контекст проблемы единства сознания? Д. Чалмерс и Т. Бэйн выделяют три основных разновидности единства сознания. Два состояния являются *едиными для субъекта*, если они переживаются одним и тем же субъектом в одно и то же время. *Единство репрезентации* — это единство воспринимаемого содержания, а также его подвид — *единство объекта*. К этой разновидности проблемы они относят и вопрос о связности свойств или признаков воспринимаемых объектов (feature-binding). Проблема единства объекта и проблема связности соотносятся друг с другом как философский (феноменологический) и научный (когнитивно-нейробиологический) аспекты одной и той же общей проблемы. Как отмечают Чалмерс и Бэйн: «Проблема связывания — это, в значительной степени, проблема того, как возможно объектное единство» [8]. Наконец, *феноменальное единство* — это отношение, обеспечивающее совместный характер феноменального переживания всех состояний, в которых находится субъект в некоторый отдельно взятый момент времени.

Несмотря на то, что проблема связывания относится, в первую очередь, к объектному единству, она пересекается и с интересующей меня проблемой феноменального единства. В этом отношении Чалмерс и Бэйн выделяют две разновидности проблемы связывания [8]:

1. Как мозгу удается объединить две отдельно представленные части информации, чтобы они могли играть совместную роль в контроле поведения и других когнитивных (вычислительных) процессах? С их точки зрения, это инженерная проблема, связанная с проектированием когнитивной системы, и ее можно представить как нейрофизиологическую или когнитивную проблему связывания.

2. Как получается, что мы воспринимаем отдельные фрагменты информации как связанные вме-

сте в отношении одного и того же объекта? Это проблема объяснения *объектного феноменального* единства с помощью конкретных когнитивных и нейробиологических механизмов.

Близкой по смыслу классификацией пользуется и А. Ревонсуо в более ранней работе, посвященной проблеме связывания [7, р. 174]. Он выделяет *связывание, относящееся к стимулу (stimulus-related binding)* и *связывание, относящееся к сознанию (consciousness-related binding)*. Разница в том, что в формулировке Ревонсуо связывание оказывается еще ближе к проблеме феноменального единства сознания. Исходя из этого можно утверждать, что в той части, которая касается проблемы объяснения природы сознания, проблема связывания является частью или же когнитивно-нейробиологическим аспектом проблемы единства. Учитывая наличие трех уровней описания сознания, можно выделить три вида внутритиповых вертикальных отношений, которые являются ключевыми для проблем единства и связывания: (2.1) между общим состоянием сознания и его частями, специфическими состояниями сознания, (2.2) между репрезентацией объекта и отдельными его признаками, (2.3) между мозгом и его частями. Все эти отношения являются *внутритиповыми* и, соответственно, могут быть описаны в пределах одного уровня абстракции.

Кроме того, проблематика единства и связности включает и *межтиповые горизонтально-вертикальные отношения*, среди которых я выделяю три наиболее значимых: (3.1) между общим состоянием сознания и отдельными репрезентациями или признаками, (3.2) между общим репрезентативным содержанием и частями мозга, (3.3) между общим сознанием и частями мозга.

Если вторая группа отношений специфична именно для проблематики единства и связности, то третья группа отношений, являясь межтиповой, имеет прямое отношение к психофизической проблеме. Проблема (3.1) является и проблемой связывания, и разновидностью трудной проблемы сознания, но с вертикальной составляющей. Две другие проблемы включают элемент из нейробиологического уровня описания. Проблема (3.2) одновременно является и проблемой связывания, и психофизической проблемой. Проблема (3.3) одновременно является и проблемой единства сознания, и психофизической проблемой. Основания для такого диагноза очевидны: в контексте обсуждавшейся выше классификации, психофизическая проблема — это любая проблема объяснения межтиповых отношений с участием нейробиологического типа элементов. По этой же причине проблемы (3.2) и (3.3) связаны и с поиском нейронных коррелятов.

Выводы: связь проблем и природа методологических ошибок

Итак, ранее я показал, в каких отношениях психофизическая проблема пересекается с проблемой единства сознания и проблемой связывания. Существует несколько возможных реакций на этот тезис, помимо согласия. Во-первых, можно назвать его тривиальным, если вы уже согласны с существованием мереологической проблематики в психофизиологической проблеме. Во-вторых, можно назвать его излишне радикальным, если вы категорически против внедрения подобных элементов в язык, на котором говорит эмпирическая наука о сознании. Оба возражения не выдержали бы критики, поскольку, несмотря на широкий интерес к вопросу

о единстве сознания в последние годы, он не получил достаточного распространения в эмпирических исследованиях, чтобы делать такие выводы. Стоит признать, что в какой-то степени эти аспекты проблем учитываются в актуальных исследованиях, но именно здесь проявляют себя ошибки, о которых я сказал в самом начале. Мереологическая ошибка есть не что иное, как неявные предпосылки, касающиеся вертикальных отношений. Если вертикальная составляющая в отношениях между элементами не учитывается или учитывается неявно, то выбор элемента соответствующего типа может происходить достаточно произвольно. Ошибка смешения уровней абстракции есть не что иное, как игнорирование межтиповых различий между элементами. Среди перечисленных случаев наиболее ярким примером такой ошибки является смешение отношений (3.2) и (3.3). Можно возразить следующим образом: если удалось объяснить сознание с помощью коррелятов, то какая разница, как мы к этому пришли? Однако дело в том, что нейронные корреляты, то есть сами данные о нейронной активности, в отрыве от теоретических предпосылок не способны ничего объяснить [11, р. 11]. И дело не только в том, что для постановки гипотезы и интерпретации собранных данных требуется теоретическая основа. Без строгих и надежных методологических установок выявленные нейронные корреляты могут оказаться слишком специфическими в одном смысле и, одновременно с этим, недостаточно специфическими — в другом. Что касается первого, А. Ревонсуо и С. М. Миллер неоднократно указывали на значимое различие между коррелятами и конституентами [12, р. 106]. Последний термин указывает на группу коррелятов в наиболее узком смысле, которая отделена от сопутствующих условий и 'фонового шума'. Признание важности поиска конституентов направляет исследователей в сторону спецификации искомых нейрональных состояний. С другой стороны, в работах последних лет все чаще звучит мысль о необходимости соединения всех существующих теорий в единую исследовательскую программу [13, 14]. Это связано с тем, что отдельные теории рассматривают узкую группу признаков сознательного состояния и выявляют корреляты именно для этой группы признаков, практически игнорируя другие направления поиска. Кроме того, отделяя фоновые условия, в соответствии с рекомендацией Ревонсуо и Миллера, мы рискуем исключить из списка основных коррелятов (*core NCC*) такие признаки, которые могут быть весьма значимыми для объяснения природы общего сознательного состояния. Например, особый интерес представляют в этом отношении фоновые состояния, являющиеся основой для стимул-зависимых состояний, и другая до-стимульная активность [13, р. 577–578]. Игнорирование вертикальных отношений в контексте психофизической проблемы повлечет избыточную сосредоточенность на специфических состояниях сознания и, при этом, чрезмерную обобщенность на уровне выводов.

Данное рассуждение в дальнейшем должно быть экстраполировано на другие элементы и другие уровни описания. Аналогичные выводы можно распространить на анализ когнитивной системы, поведения, роли телесности, физических и химических суб-нейрональных процессов в мозге. Все эти нюансы легко могут быть проигнорированы, учитывая, что большая часть исследований сознания сосредоточена на весьма ограниченном анализе паттернов

нейронной активности. Вместе с тем даже абсолютно достоверное установление нейронных коррелятов будет недостаточно, если мы не понимаем, на каком уровне происходят интересующие нас процессы: кроме указанных мной можно говорить об архитектурном, алгоритмическом, вычислительном и других уровнях.

Конечно, обозначенные методологические проблемы играют роль далеко не в каждой области исследования. Например, для специфических состояний сознания вертикальные отношения не слишком важны по той простой причине, что на стороне феноменологического уровня описания они рассматривают специфическое сознательное содержание, являющееся лишь частью цельного сознательного состояния. Наиболее интересным аспектом специфического сознательного состояния является его репрезентативное содержание, и любые другие его аспекты могут быть вполне оправданно опущены из методологических соображений. С другой стороны, корреляты общего состояния сознания должны учитывать все нюансы сознательного состояния, включая его феноменальный характер и, что наиболее важно, его объединяющую роль по отношению к состояниям-частям. В этой области исследований без учета проблематики вертикальных отношений поиск решения психофизической проблемы и поиск нейронных коррелятов будет неполным.

Примечания

¹Здесь и далее — то же, что и психическое.

²*Neural correlates of consciousness (NCC)* — Д. Чалмерс определяет нейронные корреляты как «минимальную нейронную систему *N*, для которой существует соответствие между состояниями *N* и состояниями сознания, причем данное состояние *N* является достаточным при условиях *C* для соответствующего состояния сознания» [2, р. 31]. В общем случае такое определение можно считать универсальным и широко принимаемым [3].

³Здесь и далее я не буду обсуждать уровень 'телесности' при анализе биологического уровня абстракции. Существуют подходы, для которых телесность имеет принципиальное значение, и это, вне всяких сомнений, следует учитывать при исследованиях сознания, однако выбранной мной степени детализации схемы будет достаточно, чтобы продемонстрировать основную мысль статьи.

⁴Например, о супервентности ментальных свойств на физических свойствах можно говорить безотносительно какой-либо телесности и биологических условий. При этом в современной философии сознания именно супервентность является отношением, с помощью которого чаще всего описывается связь между этими группами свойств.

⁵Термин 'феноменологический', как его принято использовать в современной философии сознания, относится к феноменальному аспекту сознания и указывает на данности субъективного опыта. К феноменологии, как философской традиции, он не имеет прямого отношения, если это не оговаривается отдельно. Данное исследование не касается феноменологии как традиции, если не подразумевать под феноменологией любую философскую деятельность, направленную на исследование опыта и того, что дано в опыте.

⁶Здесь и далее под 'зоной мозга' я буду для простоты иметь в виду любые части мозга, как функциональные, физиологические или пространственные (в том числе отдельные нейроны, синапсы, системы нейронов, паттерны нейрональной активности и др.).

⁷Такое разделение является условным, но вполне допустимо в рамках общих методологических вопросов. Ранее я уже отмечал, что состояния сознания делятся на общие и специ-

фические, первые из которых являются целостными, а вторые можно с той или иной степенью условности рассматривать как их части. Аналогичным образом можно говорить о мозге в целом и о зонах мозга. В отношении когнитивного описания ситуация несколько иная, поскольку на уровне 'целого' можно указать как само устройство когнитивной системы, его архитектуру, так и совокупность всего репрезентативного содержания. Далее я буду подразумевать под когнитивным описанием второе, а когнитивное устройство и архитектуру системы условно относить к нейробиологическому описанию.

⁸Теоретическое утверждение о том, что все подобные отношения являются горизонтальными, следует признать глубоко дискуссионным. Можно вполне справедливо утверждать, что любое отношение между типами может быть связано с той или иной 'вертикальной составляющей', поскольку у нас нет представления о соответствии между иерархиями в рамках разных типов описаний. Однако я делаю лишь методологическое утверждение и поэтому опускаю эту деталь в целях большей ясности классификации. Важно то, что, в отличие от тех видов отношений, которые я назвал 'вертикальными', в этой группе отношений мереологический аспект не играет столь существенной роли.

⁹Сперва она вышла в виде отчета, который в 1994 г. был опубликован в сборнике.

Список источников / References

1. Van Gulick R. Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2025 Edition) / Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/consciousness/> (accessed: 30.08.2025).
2. Chalmers D. J. What is a neural correlate of consciousness? // Neural Correlates of Consciousness: Empirical and Conceptual Questions / Ed. T. Metzinger. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 17–39. ISBN 978-0-262-13370-8.
3. Wu W., Morales J. The neuroscience of consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2025 Edition) / Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2025/entries/consciousness-neuroscience/> (accessed: 30.08.2025).
4. Hacker P. M. S., Bennett M. R. Philosophical foundations of neuroscience. Oxford: Blackwell, 2003. 461 p. ISBN 978-1-4051-0838-6.
5. Frégnac Y. Big data and the industrialization of neuroscience: a safe roadmap for understanding the brain? *Science*. 2017. Vol. 358, no. 6362. P. 470–477. DOI: 10.1126/science.aan8866.
6. Tsuchiya N., Saigo H., Friston K. J., Frith C. D. No-report paradigms: extracting the true neural correlates of consciousness. *Trends in Cognitive Sciences*. 2015. Vol. 19, no. 12. P. 757–770. DOI: 10.1016/j.tics.2015.10.006.
7. Revonsuo A. Binding and the phenomenal unity of consciousness. *Consciousness and cognition*. 1999. Vol. 8, no. 2. P. 173–185. DOI: 10.1006/ccog.1999.0384.
8. Bayne T., Chalmers D. J. What is the unity of consciousness? URL: <https://consc.net/papers/unity.pdf> (accessed: 30.08.2025).
9. Treisman A., Gelade G. A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*. 1980. Vol. 12, no. 1. P. 97–136. DOI: 10.1016/0010-0285(80)90005-5.

10. Malsburg C., von der. The correlation theory of brain function // Models of Neural Networks II / Eds. E. Domany, J. L. van Hemmen, K. Schulten. Berlin: Springer, 1994. P. 95–119. ISBN 978-3-642-79724-8.

11. Overgaard M., Mogensen J. Will we explain consciousness in finding NCC? // Beyond Neural Correlates of Consciousness / Eds. M. Overgaard, J. Mogensen, A. Kirkeby-Hinrup. London: Routledge, 2021. P. 1–18. ISBN 978-1-138-63863-1.

12. Miller S. M. The correlation/constitution distinction problem // The Constitution of Phenomenal Consciousness: Toward a Science and Theory / Ed. S. M. Miller. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 104–154. ISBN 978-90-272-1197-2.

13. Northoff G., Lamme V. Neural signs and mechanisms of consciousness: is there a potential convergence of theories of consciousness in sight? *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2020. Vol. 118. P. 568–587. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2020.07.019.

14. Del Pin S. H., Skóra Z., Sandberg K., Overgaard M., Wierzbński M. Comparing theories of consciousness: why it matters and how to do it. *Neuroscience of Consciousness*. 2021. Vol. 2021, no. 2. P. 1–8. DOI: 10.1093/nc/niab019.

СЫСОЕВ Матвей Сергеевич, научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН, г. Москва.
SPIN-код: 1885-2930
AuthorID (PIHL): 979250
ORCID: 0000-0003-1152-577X
ResearcherID: 114047
AuthorID (SCOPUS): 58555260100
Адрес для переписки: sysoev.paritet@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 21.10.2025.

SYSOEV Matvey Sergeyevich, Researcher of the Contemporary Western Philosophy Department, RAS Institute of Philosophy, Moscow.
SPIN-code: 1885-2930
AuthorID (RSCI): 979250
ORCID: 0000-0003-1152-577X
ResearcherID: 114047
AuthorID (SCOPUS): 58555260100
Correspondence address: sysoev.paritet@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 21.10.2025.